

# **АЛЬМАНАХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ  
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

**Часть II**

**Межвузовский сборник научных трудов**

Тамбов  
«Грамота»  
2007

УДК 81.37.022  
ББК Ш 10 Я 43  
А- 385

**Редакционная коллегия:**

научный редактор - д.ф.н., проф. Макеева М. Н.

ответственный редактор - к.п.н. Рябцева Е. В.

ответственный секретарь - к.ф.н. Арестова А. А.

**А-385 Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии [Текст]. В 3 ч. Ч. 2: межвуз. сборник научных трудов; отв. ред. Е. В. Рябцева / при участии М. Н. Макеевой, А. А. Арестовой. - Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. - 338 с. - 170 экз. - ISBN 5-9900942-1-5.**

Материалы сборника содержат статьи, посвященные актуальным проблемам языкознания и литературоведения, а также методики преподавания языка и литературы как в теоретическом, так и в прикладном аспектах в плане сравнительно-исторического изучения и современных подходов. Представленные в сборнике статьи будут интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

УДК 81.37.022  
ББК Ш 10 Я 43

**ISBN 5-9900942-1-5**

© Издательство «Грамота»

## ПОДЛЕЖАЩЕЕ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МОДАЛЬНО ПРЕОБРАЗОВАННЫМ СКАЗУЕМОМ (на материале немецкого и русского языков)

Мерзлякова Н.П.

Удмуртский государственный университет

Модальные глаголы и сочетания в предложении выполняют функцию модальных операторов сказуемого. Они выражают отношение субъекта действия к действию, выраженному инфинитивом смыслового глагола, либо (реже) оценку предикативной связи со стороны говорящего (например, модальные глаголы немецкого языка во вторичной функции). Исследуя модальные глаголы и сочетания в немецком языке, мы обратили внимание на то, что подлежащее в предложениях с модально преобразованным сказуемым обладает рядом особенностей. И особенности эти обусловлены, в том числе, и видом модального оператора. На материале немецкого языка установлено наличие следующих групп модальных глаголов и сочетаний:

1) «классические» модальные глаголы *müssen, sollen, dürfen, können, wollen, mögen* и примыкающий к ним глагол *brauchen*;

2) глаголы модальности (Modalitätsverben) [Engel, Tertel 1993: 108], употребляющиеся с *zu*-инфинитивом и выражающие значения возможности, необходимости, намерения, решимости, попытки, желания, кажимости, стремления, чужого высказывания: *Er gedenkt seine Pläne zu verwirklichen. Es scheint allmählich wärmer zu werden. Peter weiß seine Gesprächspartner zu überzeugen*;

3) сочетания глагола *sein* с прилагательными и причастиями прошедшего времени (обычно от глаголов модальности или каузативных глаголов), выражающие кроме уже названных модальных значений различные оценки действия – эмоциональные, морально-этические, лёгкости/трудности, разумности, общности и т.п.: *Es ist gut, lesen zu können. Ich bin froh, Sie zu sehen. Es ist anstrengend, böse zu sein*.

В предложениях с «классическими» модальными глаголами в первичной функции в качестве подлежащего может выступать практически любое имя существительное и местоимение в форме любого лица. Глаголы *wollen* и *mögen* семантически сочетаются с одушевлёнными субъектами, однако, с глаголом *wollen* возможны и такие стилистически окрашенные варианты: *Der Aufsatz will nur einen kurzen Überblick geben* «Сочинение даёт лишь краткий обзор». *Dieser Schritt will gut überlegt werden* «Нужно хорошо обдумать этот шаг». *Der Regen wollte nicht aufhören*. «Дождь никак не прекращался». Часто модальные глаголы сочетаются с обобщённо-личным подлежащим, выраженным местоимением *man*: *Wenn man Erfolg haben will, muss man tüchtig arbeiten* «Если хочешь добиться успеха, нужно хорошо работать». В русском языке классические модальные значения возможности, необходимости, желательности действия выражаются также модальными глаголами *мочь, хотеть*, но чаще всего модальными словами: *нельзя, можно, должно, нужно, надо* и т. п., которые сочетаются с существительным или местоимением в дательном падеже. Такие предложения являются формально-безличными. С точки зрения номинативной грамматики в них нет подлежащего, хотя субъект состояния налицо. Данные конструкции необходимо рассматривать в рамках актантно-ролевой грамматики [Левицкий 2003: 370], где подлежащим в предложении является существительное или местоимение в форме косвенного падежа, занимающее первую позицию в предложении. В русском языке ролевые конструкции (в том числе и с модальными словами) очень распространены: *Тебе нужно остаться здесь. Мне хочется есть*.

«Классические» модальные глаголы немецкого языка во вторичной функции выражают другой вид модальности. Оценка предикативной связи (её достоверности) даётся со стороны говорящего. На основе визуального, акустического восприятия, понаслышке или в результате умозаключения предполагает, что пропозиция верна: *Er muss zu Hause sein. Er kann davon nichts gewußt haben*. В силу этого подлежащим в таком предложении вряд ли может быть личное местоимение первого лица, поскольку говорящий и субъект предложения совпадают, а говорящий, как правило, может судить о своих действиях (состояниях) достаточно уверенно. Вряд ли говорящий сформулирует предложение *Ich kann gestern krank gewesen sein*. В предложении *Ich mag zwei Stunden geschlafen haben* «Я проспал часа два» предположение касается количественных данных, а не совершения самого действия [Крушельницкая 2002: 195]. Глаголы *sollen* и *wollen* во вторичной функции передают предположение, основанное на чужих словах. При этом конструкция с глаголом *wollen* передаёт слова третьего лица о самом себе: *Er will alles mit eigenen Augen gesehen haben* «Он утверждает, что видел всё собственными глазами». Поэтому подлежащим в предложении с глаголом *wollen* во вторичной функции не может быть неодушевлённое существительное. В русском языке точных аналогов данному явлению нет. «Отдалённое сходство можно усмотреть лишь в случаях типа *Он должен быть дома; Он может быть дома*. Однако они носят явно периферийный характер, а сочетание модального глагола с инфинитивом обнаруживает в них элемент лексикализации, приближаясь к модальному слову; ср.: *Он, может быть, дома*» [Зеленецкий 2004: 160-161]. В таком случае модальная конструкция перестаёт быть грамматическим членом предложения и не влияет на выбор подлежащего.

Глаголы модальности, употребляющиеся в немецком языке с *zu*-инфинитивом, представляют собой весьма разнородную группу. Интересны в отношении рассматриваемой проблемы пары *scheinen – glauben* и *haben – sein*. Конструкция с *glauben* выражает предположение, основанное на субъективном восприятии говорящего, подлежащим в таком предложении является субъект восприятия (лицо одушевлённое): *Ich glaube diese Frau zu kennen*. В русском языке конструкции с *glauben* соответствует опять же ролевые конструкции с модальным глаголом «кажется» в функции сказуемого с дательным падежом лица, в котором и заключается субъективный характер предположения: *Мне кажется, что я знаю эту женщину*. В отличие от *glauben* *scheinen* выражает объективную кажимость, то есть субъект высказывает предположение, полагаясь на какие-то признаки, заключённые в самом объекте, в таких предложениях подлежащим, как правило, является объект предположения: *Er schien uns nicht zu erkennen* «Он, казалось, нас не узнал». Объектом предположения может быть естественно и лицо неодушевлённое. В русском языке таким предложениям соответствуют номинативные конструкции с вводным словом «кажется» без указания «кому», так как имеются объективные основания для предположения.

Модальные глаголы *haben* и *sein* представляют собой пару, выражающую залоговое значение, активное и пассивное соответственно: *Anna hat diese Aufgabe zu lösen – Diese Aufgabe ist zu lösen*. Особенностью пассивной конструкции в данном случае является то, что логическим субъектом предложения может выступать только одушевлённое лицо, обладающее интенцией. Предложения типа: *Die Lampe ist von einem starken Haken zu halten* являются аграмматичными. Даже конструкции с *haben*, где в качестве подлежащего выступает неодушевлённое существительное, предполагают имплицитное наличие одушевлённого деятеля: *Diese Tür hat stets offen zu sein = Man hat dafür zu sorgen, dass diese Tür offen ist*. [Holl 2001: 233].

Большинство других модальных глаголов, употребляющихся с *zu*-инфинитивом, также как и модальные глаголы русского языка предполагают в качестве подлежащего лицо одушевлённое, поскольку выражают различные физические, психологические, социальные состояния человека. При этом как в немецком, так и в русском языке возможны (в зависимости от модального глагола) как номинативные, так и ролевые конструкции. В немецком языке таких примеров немного: *Mir blieb es erspart, die Gäste empfangen zu müssen* «Мне не пришлось встречать гостей», *Mir bleibt nur noch zu hoffen, dass sie wieder gesund wird* «Мне остаётся только надеяться, что она выздоровеет», *Ihm gelang es, das Buch zu kaufen* «Ему удалось купить эту книгу», *Es tut mir leid, euer Forschungsprogramm gestört zu haben* «Мне жаль, что я помешал вашей исследовательской работе». При этом в немецком языке необходимость подлежащего, выраженного номинативом, часто приводит к появлению на первой позиции формального подлежащего *es*. «Любовь» русского языка к ролевым конструкциям проявляется и в предложениях с модальными глаголами, такими как *пришлось, осталось, следует, стоит, хочется, удалось, суждено, правится, доведётся, не терпится* и др. Некоторые немецкие глаголы образуют модальные сочетания с безличным местоимением *es*, выступающим в роли формального подлежащего: *Es gab keine Autos zu sehen* «Не было видно ни одной машины», *Das ist das Problem, das es zu lösen gilt* «Это проблема, которую необходимо решить». Логический одушевлённый субъект действия предполагается имплицитно.

Предложения с конструкцией *sein + Adjektiv (Partizip) + zu + Inf* можно разделить на две группы. В предложениях первой группы в качестве подлежащего выступает одушевлённое существительное или местоимение, обозначающее человека (также местоимение *man* в личном значении). Модальные сочетания первой группы выражают в основном те же модальные значения, что и модальные глаголы (существуют даже такие пары: *sich bemühen – bemüht sein, sich entschließen – entschlossen sein* и т.п.), а так же различные эмоциональные оценки действия: *Ich bin glücklich, dir helfen zu können, Er ist zufrieden, mit dem Buss gefahren zu sein*. Аналогичные предложения и в русском языке, с тем отличием, что в настоящем времени отсутствует глагол связка: *Я рад вам помочь. Он готов ехать*. В предложениях второй группы в качестве формального подлежащего выступает безличное местоимение *es*. Модальная оценка, выражаемая данными сочетаниями наиболее разнообразна: лёгкость/ трудность, разумность, возможность, допустимость, необходимость, полезность, правильность, важность, обычность, морально-этическая и эстетическая оценка и др.: *Es ist gut, lesen zu können, Es ist anstrengend, böse zu sein, Es war schwer, ihn zu überzeugen, Es ist sehr aktuell, davon zu reden*. Специфика русского языка в данном случае заключается, во-первых, в отсутствии подлежащего в подобном рода предложениях, а во-вторых, в отсутствии связки в форме настоящего времени: *Хорошо быть маленьким. Трудно что-либо возразить. Смешно не уметь читать*. Безличное подлежащее не называет никакого конкретного субъекта. Однако сформулированное в конкретной ситуации безличное предложение может передавать отношение самого говорящего к действию, кто как ни говорящий является логическим субъектом предложения: *Es ist heute schwer, mit dir zu reden*. В таких случаях (особенно в русском языке) логический субъект может эксплицироваться в форме дательного падежа, и мы получим ролевые конструкции типа: *Ihm war es leicht, einen Aufsatz zu schreiben, Mir ist es sehr angenehm, Sie kennenzulernen, Мне трудно об этом вспоминать, Ей было важно прийти вовремя*.

Как показало наше скромное исследование, проблема подлежащего в предложениях с модальным преобразованным сказуемым является достаточно интересной и заслуживает более тщательного изучения. Основными выводами нашего исследования являются следующие положения: 1) модальные операторы сказуемого обуславливают тип подлежащего; 2) предложения с модальными глаголами и сочетаниями могут быть личными, неопределённо-личными, обобщённо-личными и безличными; 3) в личных

предложениях подлежащим чаще всего является лицо одушевлённое; 4) предложения с модальными операторами сказуемого нередко формулируются по правилам ролевой грамматики.

#### Список использованной литературы

- Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 252 с.
- Крушельницкая К.Г. Советы переводчику. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 320 с.
- Левинский Ю.А. Основы теории синтаксиса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 419 с.
- Engel U., Tertel R.K. Kommunikative Grammatik Deutsch als Fremdsprache. – München: Iudicium-Verlag, 1993. – 346 S.
- Holl D. Was ist modal an Modalen Infinitiven? // Modalität und Modalverben im Deutschen. – Hamburg: Buske, 2001. – S. 217-238.

## ПРЕДМЕТНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ НЕМЕЦКИЕ АНЕКДОТЫ-ШУТКИ

Миловская Н. Д.

Ивановский государственный университет

Обилие современных немецкоязычных анекдотов-шуток (Witze) побуждает различать в их многообразии прежде всего *предметные \ референциальные и языковые \ лингвистические*.

В основе современных *референциальных \ предметных* анекдотов-шуток лежит смеховое и карнавальное отношение к тем или иным стабильным общественно значимым нормам, идеям, ценностям, а также к тяготеющим к ритуальности реалиям объективной действительности, результатом которого становится их карикатурное осмысление. Философским основанием таких анекдотов-шуток, по всей видимости, можно признать диалектику жесткого и гибкого [Карасик 1997], проецируемых на полифонию человеческого и общественного бытия. Референциальный анекдот-шутка, таким образом, представляет собой «своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, при этом мы понимаем, что без стабильности, определённости, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество нормально функционировать не может. Вместе с тем в стабилизации есть угроза развитию, и самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым» [Карасик 1997: 144]. При этом важно отметить, что комическое противоречие в современном референциальном анекдоте-шутке произрастает на «разладе» [Белянин 2004] между нормами, идеями, ценностями и реалиями, утрачивающими общественную актуальность, и их аналогами, только завоёвывающими умы членов социума.

В силу отмеченных особенностей для адекватного восприятия референциального анекдота-шутки во многих случаях остро необходимыми оказываются разносторонние *фоновые знания* реципиента, к которым относят историческую, политическую и общекультурную компетенцию, осведомлённость о текущих событиях общественной жизни, информированность о нравственных, этических, моральных, семейных и прочих проблемах, обсуждаемых в данный момент в обществе. Например:

*Daß wir hier bauen, verdanken wir dem Führer. Dieses Schild hing in den ersten Jahren nach 33 an allen Arbeitsstellen. Sehr sinnig war es, dass es auch am Reichstagsgebäude prangte, als dort die Reparaturarbeiten gemacht wurden, die nach dem Reichstagsbrand nötig waren.*

Острота этого анекдота откроется лишь знакомому с событиями 1933 года в Германии реципиенту. В тот исторический период неоспоримым достижением политики Гитлера в области экономики признавался факт предоставления его правительством рабочих мест всему трудоспособному населению, не имеющему постоянного заработка. Однако знание того, что упоминаемые в анекдоте строители восстанавливают *bauen* в процессе изнурительных и трудоёмких работ подожжённое в 1933 году теми же фашистами здание рейхстага, делает однозначно понятным оттенок издёвки и ерничества в значении выражения *hier bauen*, коррелирующего в контексте анекдота с выражением *dem Führer verdanken*.

Однако предметом осмеяния в референциальном анекдоте-шутке часто становятся и любые проявления «маленького человека» в его повседневной жизни. В данной связи интерес представляют слова В. П. Проппа, который подчёркивает, что «смешными могут оказаться наружность человека, его лицо, фигура, движения; ...его суждения, в которых он проявляет недостаток ума; .... характер человека, область его нравственной жизни, его стремления, его желания и цели; ...речь человека, как манифестация таких его качеств, которые были незаметны, пока он молчал. .... физическая, умственная и моральная жизнь человека...» [Пропп 1999: 20]. Приведём пример анекдота-шутки, высмеивающей невежество человека:

*Diskret beugt sich der Kellner in einem Luxus-Restaurant zu einem Gast rüber und flüstert: «Mein Herr! Sie werden von allen Seiten beobachtet, und man redet über Sie. Man isst Fisch doch nicht mit dem Messer.» Knurrt der Gast verlegen: «Das weiß ich schon lange. Aber wenn Sie das auch wissen, hätten sie mir ja gleich einen Löffel mitbringen können, Sie Tölpel!»*

Внешность человека также нередко становится предметом осмеяния: